

ТЕПЛО РОДИТЕЛЬСКОГО ДОМА

Светлана Клименко

Великий русский демократ Н.Г.Чернышевский родился и умер в Саратове. Городская усадьба и дом, где он провел детство и отрочество, тщательно сберегался его потомками. При советской власти в усадьбе открылся музей, рядом был построен представительный мемориальный комплекс.

Усадебное место на Гимназической улице близ церкви Спаса Нерукотворного (Сергиевской) купил в 1801 году протоиерей Егор Иванович Голубев, дед Николая Гавриловича. Храм этот уничтожили в советское время, хотя он напрямую был связан с историей родного дома Чернышевского. Сам Николай Гаврилович знал деда только по рассказам бабушки Пелагеи Ивановны, которая до самой своей смерти заправляла всем домашним хозяйством Чернышевских и их близких родственников Пыпиных.

Первые несколько лет Голубев и его семья жила в старой постройке, находившейся на купленном дворовом месте. В воспоминаниях младшей дочери Голубева — Александры — говорится, что их дом начали строить при жизни отца, а закончили вскоре после его кончины в 1820-е годы.

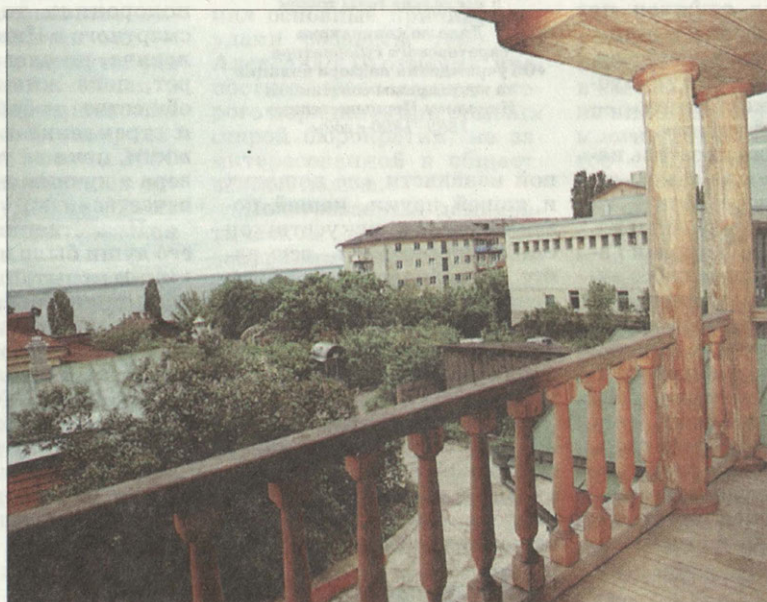
В нем поселилась вдова и двое дочерей Егора

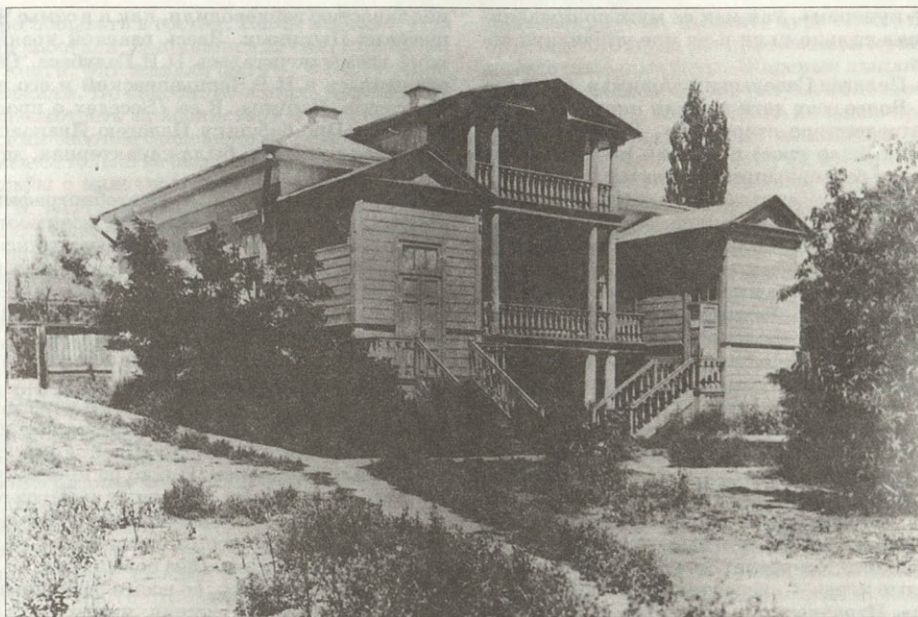
Ивановича — Евгения (1803–1853) и Александра (1806–1884). В эту осиротевшую семью вошел в 1818 году священник Гавриил Иванович Чернышевский, женившийся на старшей из сестер — Евгении, которой тогда не исполнилось и пятнадцати лет. Вдова Голубева специально поспешила выдать ее замуж, чтобы сохранить за зятем место настоятеля Сергиевской церкви, а за семьей все доходы и преимущества, которые давала должность умершего мужа.

В 1822 году, когда младшую дочь Пелагеи Ивановны Александру собрались выдать замуж, для Евгении и Гавриила Ивановича теща купила соседний деревянный дом, «со всем имеющимся при нем строением и усадебным местом».

Для семьи Чернышевских в 1826 году был выстроен одноэтажный деревянный, обложенный кирпичом, дом с мезонином. Старый обветшавший дом стоял почти на середине двора. Его решили сломать и построить новый.

«Улица распланирована была только что, и пришлось взять несколько сажен от улицы и вот на углу стали строить стоящий и теперь дом, — вспоминала Александра Егоровна. — Надзирала за работами маменька, покупала лес, смотрела за рабочими, да Гаврииле Ивановичу и не было времени за уроками и службою, тут кстати тоже занимали фуhrштатских солдат, теперь взглянуть и то узнает всякий, что работа петель, крючков и разных других поделок не простого кузнеца дело, ... по окончании стройки тотчас

«Пенаты Чернышевского»

пустили постояльцев, а сами по-прежнему жили одной семьей, а когда я стала вдовой, то и не думали жить разрозненно...».

В строительстве нового дома и разведении сада деятельное участие принимал второй зять Пелагеи Ивановны артиллерийский офицер Н.М.Котляревский. «Теща отдала в его руки все хозяйство, и он, — вспоминала дочь Александры Егоровны Екатерина, — выстроил целый дом со службами для Чернышевских». Таким образом, в голубевской усадьбе, кроме главного дома, появились сдаваемые постояльцам дом Чернышевских и принадлежавшие им два флигеля. Большая часть хозяйственных строений была объединена в украшенный колоннами единый корпус, поставленный в глубине двора. Там разместились два сарая, две конюшни, дровяник и три погреба. В одном из двух флигелей была кухня, в другом — баня.

Между тем Котляревский вел кочевой образ жизни, переезжая из Киева в Орел, из Орла в Бессарабию, где умер от тифа в 1828 году. В Саратове, куда вернулась Александра Егоровна, оставалось большое хозяйство, в основном на руках Пелагеи Ивановны, так как старший ее зять Г.И.Чернышевский — протоиерей, член духовной консистории, преподаватель духовного училища — был занят уроками и службою.

В 1830 году семья пополнилась еще одним человеком. Александра Егоровна в возрасте двадцати четырех лет во второй раз вышла замуж за небогатого дворянина Николая Дмитриевича Пыпина. Усадьбный двор Голубевых был расширен за счет дальнейших покупок в 1831 году. Именно тогда определились окончательные границы общей усадьбы живших единым хозяйством двух семей — Чернышевских и Пыпиных.

Семья Пыпиных быстро росла — у Александры Егоровны один за другим рождались дети. До конца 1834 года все жили во втором этаже пыпинского дома.

В 1844 году семья Пыпиных переехала в Аткарск и жила там до 1853 года — года кончины

Евгении Егоровны, матери Николая Гавриловича Чернышевского. Старшие дети Александры Егоровны Пыпиной в это время оставались в Саратове и жили в одном доме с Чернышевскими, а два флигеля Чернышевских и пыпинский дом с несколькими небольшими флигелями, в саду, ближе к Волге, сдавались квартирантам.

Двор усадьбы спускался к Волге как бы тремя террасами. На верхней террасе располагались строения Чернышевских — дом с мезонином, два флигеля и корпус хозяйственных служб, на средней террасе — двухэтажный дом Пыпиных с флигелями, на нижней — сад, замыкавшийся беседкой.

В доме Чернышевских было восемь комнат. Из них три составляли анфиладу парадных — зала, гостиная, столовая. Остальные — очень небольшие жилые покои: угловая комната, девичья, спальня, кабинет и комната в мезонине. Дом Пыпиных был тоже небольшим: по четыре жилых комнаты в каждом этаже и несколько крошечных помещений для прислуги и хозяйственных нужд. Он имел деревянный тамбур и удобную квадратную веранду.

Между зданиями росли фруктовые деревья и кусты. В саду посадили яблони, груши, вишню. В дворовой части усадьбы росли шиповник, сирень, белая акация. Под балконом дома — ветлы.

В конюшнях держали трех лошадей (две для выезда, одна для привоза воды и поездок на базар), в каретном сарае стояли две брички. Особенно запомнилась Екатерине Пыпиной одна из них, считавшаяся чуть ли не лучшей в Саратове. Она была обита внутри белой кожей с пуговками и содержала в себе зеркальца, мешочки и всякие другие приспособления для багажа. Еще держали коров, птицу (кур и павлинов); во дворе жили кот и собака по кличке Орешко.

В доме была прислуга: одна-две няни, кучер, несколько девушек-горничных. Жена кучера — Пелагея Савельевна — управляла не только стиркой, глаженьем, надзором за прислугой, да и за хозяйскими детьми, но и становилась

иногда «кучером», так как ее муж по праздникам бывал сильно пьян и не мог управлять лошаадьми.

Мать Пелагеи Савельевны, Афимья, была кухаркой. Более всех дети любили няню, как правило, «преlestную старушку». Горничные девушки (их было трое) помогали по хозяйству, часто шили белье, вышивали платья.

Пыпины и Чернышевские жили одной дружной семьей. Александра Егоровна Пыпина, родная тетка Николая Гавриловича Чернышевского, вышла замуж в 16 лет, овдовела в 22 года и в 24 — вступила во второй брак. Все го у нее родилось двадцать детей, из которых десять дожили до зрелых лет. В семье ее сестры, хрупкой и болезненной женщины, был лишь один ребенок — сын Николай (первый ребенок умер в младенчестве).

Кроме хозяев на усадьбе проживало много лиц, снимавших жилье во флигелях, было много детей. Любимое место детских игр — сад, центральную часть которого дети называли «Малой Азией». Летом здесь играли в лапту, в козны, собирались на столб, прыгали через яму, запускали змея, волчок-ревун. Зимой в доме тоже были веселые игры — «веревочка», «свои соседи», «жгуты». Изредка ходили в театр — в основном молодежь. Тогда в театре ставили лишь водевили — драму «играть некому было». Родители в театре никогда не бывали, их главное развлечение составляло чтение. В доме держали много книг, здесь получали газеты и журналы. Очень часто читали вслух. Кузины Н.Г. Чернышевского были барышни серьезные — в маскарады и собрания, как другие девушки, не ездили. Учились рукоделию — не только дома, но и в монастыре у игуменьи матушки Олимпиады. Выучились у лютеранина из немецкой колонии игре на фортепиано и зимой часто музицировали. До появления в доме фортепиано (эта дорогая покупка была сделана в 1830-е годы) женщины старшего поколения играли на гусях. Об этом позднее вспоминал Н.Г. Чернышевский в автобиографической «Повести в повести»:

«Моя старшая кузина, Любовь Николаевна, в первые годы училась играть на гусях — как играла моя матушка, когда Любиньке было 10 лет, у нас для нее уже завелось фортепьяно; наши старшие — мои тетушка и дядюшка, мои матушка и батюшка, и моя бабушка, которые тогда все жили в одном доме и имели общее хозяйство, так что довольно мало считались между собой деньгами, — наши старшие не стали богаче в эти три, четыре года, — у нас ни на сколько не стала роскошнее жизнь, но около 1833 года еще не было мысли о фортепьяно, а около 1837 года уже была, я помню, несколько потеснились в расходах и купили».

В 1850-е годы, когда стало обычным иметь фортепиано, молодежь собиралась на вечерах в домах более просторных, чем у Чернышевских и Пыпиных. Одним из таких мест был «дом Сократа», будущего тестя Н.Г. Чернышевского С.Е. Васильева. Там было 16 комнат, в большой зале стоял рояль. Молодежь на вечерах играла в «веревочку», в лото, в другие игры и конечно, танцевали. Танцы стали распространенными в недворянском сословии лишь в середине XIX века. До этого времени в большинстве семей в провинции танцы считались занятием «от дьявола» и не приветствовались пуритански воспитанными матушками и особенно бабушками. Послед-

ние зачастую верховодили, как и в семье Чернышевских-Пыпиных. Здесь главной хозяйкой в доме всеми почиталась П.И. Голубева. Об этом вспоминает и Н.Г. Чернышевский и его кузина Екатерина Пыпина. В ее «Беседах о прошлом» читаем: «Про бабушку Пелагею Ивановну рассказывали, что она была характерная, держала всех в руках».

Н.Г. Чернышевский в «Автобиографии» подробно описывает особенности взаимоотношений в семье родителей: дома были записаны за бабушкой и матерью, доход мужчины полностью отдавали женщинам, распоряжителями финансов и всей движимой и недвижимой собственностью были женщины.

При этом взаимоотношения в семье выглядели максимально демократичными.

Н.Г. Чернышевский пишет: «В нашем семействе было пять человек совершеннолетних членов... Это была чистейшая Швейцария, состоящая из пяти кантонов. Никто не присваивал себе никакой власти ни над кем из четырех остальных... Но по очень близкой связи интересов и чувств каждого со всеми остальными никто не делал ничего важного, без совещания, — совершенно добровольного, со всеми остальными...», «семья наша была дружная, никто в ней не любил делать неудобного для других».

«У маменьки был такой характер: если что захочет, непременно приведет в исполнение, — вспоминала Екатерина Николаевна Пыпина. — Она была «повелительницей» в доме. Отец ничего без ее совета не предпринимал. Несмотря на властный характера, мать была очень ласкова с детьми и отзывчива к людям. К ней шли со своими горестями все... Они прожили вместе 53 года с лишним и никогда не ссорились. За всю свою жизнь я не слышала у них ни одного разговора в повышенном тоне. А чтобы детей бранить — тоже никогда. Нашу семью называли в нашем городе «благословенной семьей».

Об отце Николай Гаврилович Чернышевский вспоминает как о человеке для всех и для него весьма авторитетном, уважаемом и нежно любимом: «Человек умный, добрый, отрекся от всего для пользы ближних, неутомим в заботе о них».

«Мой батюшка — второе лицо, а муж другой сестры моей бабушки, мой крестный отец — первое лицо по почету в Саратовском белом духовенстве...», «оба они были люди искренне верующие, конечно, но — люди, не делающие дурного, через их руки проходило много дурных дел; они смягчали их, уничтожали их, сколько могли». Основные черты, которые Николай Гаврилович ценил в отце, — это «христианская кротость, смирение, непамятозлобие... непоколебимое благородство».

Именно Гавриил Иванович был учителем для всех остальных членов семьи — для собственной жены, с которой они обвенчались, когда ей было четырнадцать лет, для ее сестры, для всех детей. Это он собрал большую библиотеку (более 500 книг), это благодаря ему в доме так любил читать.

«Мы были очень небогаты, наше семейство. — Вспоминал Н.Г. Чернышевский. — Оно было не бедно. Пищи было много и одежды, но денег никогда не было! Поэтому ничего подобно го гувернанткам и т.п. не могло нашим старшим и во сне сниться. Не было даже нянек... А наши старшие? — Оба отца писали с утра до вечера свои должностные бумаги. Они не имели даже

времени побывать в гостях. Наши матери с утра до ночи работали. Выбившись из сил, отдыхали, читая книги. Они желали быть — и были нашими няньками. Но надобно ж обшить мужей и детей, присмотреть за хозяйством и хлопотать по всяческому заботам безденежных хозяйств».

Семья не только не была богатой, но и не водила дружбы с малочисленными дворянскими домами. В «Автобиографии» Н.Г.Чернышевский замечает: «Мы не были ни от кого зависимы, и никто из моих старших не был в близких прикосновениях с богатыми или знатными... В богатом барском доме... обстановка была не та, какая привычна была моим старшим и их родне». Гости дома были сослуживцы отца и дяди, помещики, чиновники, купцы, «немцы всякого различного звания и всякие другие разночинцы».

В 30–40-е годы в провинции еще был жив обычай принимать в доме священника на ночь разных странников. Н. Г. Чернышевский в «Автобиографии» вспоминает об остатках старого обычая просить священника позволения остановиться у него: «у него все-таки почище в комнатах, чем на постоялом дворе». Екатерина Пыпина вторит своему кузену: «К Гавриле Ивановичу часто приезжали нуждающиеся вдовы и дочери разных батюшек да дяконов. Их принимали, кормили, и спать укладывали; они жили несколько дней, и, удовлетворив нужды, уезжали».

Кроме того, вспоминает та же мемуаристка, «в доме Гаврилы Ивановича был такой обычай: каждый праздник, а на Рождество и Пасху особенно, со всех концов стекались к нему нищие и убогие. Была тут и одна безрукая, и слепая, а также отставные, влачащие жалкое существование, духовные лица. Их принимали в девичьей, где для них ставились самовары и расставлялась всякая еда. Потом они оделялись пятаками, гривнами и т.п.» Другой мемуарист рассказывает, что детей угощали в праздники коврижками в лист бумаги, пряниками из манки, зимой варили шоколад. Среди постоянных гостей бабушки П.И.Голубевой тоже нередко бывали люди низшего сословия: саратовский юродивый, старушка, часто ходившая на богомолье, по прозвищу «иерусалимка» (про нее рассказывали, что она два раза «ходила в Иерусалим»). Не случайно в доме дети часто играли таким образом: «Как наши ко всенощной уедут, мы остаемся одни — сейчас котомочки на плечи, посошки в руки... и начинаем путешествовать «в Киев на богомолье»: по коридору вокруг всей квартиры».

Н.Г.Чернышевский помнит, что на его именины в декабре — «Николау зимнего» — всегда жарили гуся. Если именины приходились в пост, готовилась рыба (пирог, заливное, разварное). На все именины обязательно были пироги — с морковью, капустой, кашей, груздями. То же — в пост. Еще овощи — соленые арбузы, огурцы, грузди. Еще — «сладкий суп из сушеных ягод и фруктов, к нему белые сухарики. Ели еще рис с медом, олады с медом, капусту с луком, лапшу с грибами. ... Варили кулагу (варить ее полагалось три дня). В рождественский пост ели саламату из темной муки — нечто вроде киселя на воде — ее поливали маслом, она подавалась вечером перед чаем. ...Скоромный стол отличался еще большим разнообразием. Единственное, чего мы не имели своего — это сосисок и колбас. Остальное мы все получали из деревни:

индюшек, гусей, цыплят, кур, телят, баранов, стерлядей. Оттуда же привозилась мука, крупа и молочные продукты. Жареные цыплята у нас не переводились, блины тонули в сметане. Пирогги полагались обязательно каждый праздник: пекли два пирога с тремя начинками. Сладкие были непременно круглые, их делали с яблоками, ягодами и т.п. Для прислуг пекли с особыми маленькими яблоками — косматками — и вместо сахара, который был дорог, туда клали мед. ...После Успения начинался арбузный период. Покупали их сотнями, иной раз воз привезут. Солили арбузы и рубили капусту всегда 8 октября... Очень любили также кислое молоко. Его ели, посыпав корицей, сахаром и толчеными черными сухарями. За обедом полагался графин с водой и графин с квасом... Поросят и баранов подавали на стол зажаренными целиком. Любили у нас ботвинью и окрошку. К ботвинье обязательно подавались раки».

«Домашние», семейные праздники отмечались без гостей, очень редко приглашались друзья взрослых детей.

На большие праздники традиционными были гости. Екатерина Пыпина вспоминает: «Как проводили праздники? Чистили-скоблили несколько дней подряд, и разговоров было столько об этих праздниках... В сочельник варили кутью и узвар, потому что были поминки Евгении Егоровны. В этот день Гаврила Иванович с маленькой ежегодно ездили на кладбище. Елки никогда не устраивали, я даже ни у кого из знакомых не видела, только слышала о них. А заманчивыми казались праздники потому, что в гости ездили, оживление было. Мы гадали (на Крещение), воск лили и что-то еще, но ничего особенного не выходило никому.

...Интересно было на праздниках катание. Оно начиналось на Б.Сергиевской улице с трех часов дня и до ночи — вереница экипажей, народа, конечно, видимо-невидимо, прислуги в воротах грызли семечки и глядели. А катались все купчихи, в сборчатых поддевках, воротники меховые до плеч, рукава мехом опущены... Лошади чудные, упряжь великолепная. И это все Святки до шестого числа, а также на Масленице. И каждый день все дворники должны были чистить ухабы, которые набивались от этого катания, прямо волны образовывались. Их срывают, а к вечеру они снова появляются».

Мальчики бегали зимой на Волгу смотреть кулачные бои, где часто дрались семинаристы и купеческие сыновья.

Кто бы мог подумать тогда, что в большой и дружной семье растет будущий кумир революционно настроенной молодежи 60-х годов.

Спустя много лет, отбыв каторгу в Сибири и ссылку в Астрахани, больной Николай Гаврилович Чернышевский вернулся в родной город. Он провел в Саратове последние четыре месяца своей жизни, но в родном доме ему жить больше не довелось — он бывал здесь только в качестве гостя, снимая квартиру в другом месте. К сожалению, дом, где остановилось сердце выдающегося русского демократа, не сохранился.

Н.Г.Чернышевский похоронен на городском Воскресенском кладбище. Автором памятника-часовни, сооруженной над его могилой, был его родственник, муж племянницы, Ф.Г.Беренштам.

В 1939 году на могиле был установлен другой памятник, а тот, первоначальный, стоит теперь в усадьбе, ставшей мемориальным музеем.